

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

Х. Холокост и Христианство

Тут вышел из ворот изящный чёрт и обратился ко всем:

*— У вас там портреты висят в несколько рядов.
— Святые наши, какие портреты?
— Их надо переписать: они устарели.*

Монахи опешили:

*— И кого же заместо их писать?
— Нас!*

В. Шукшин. До третьих петухов

Главное отличие еврейского Холокоста от всех мировых человеческих катастроф, по уверениям его жрецов, заключается в том, что Холокост уникален, неповторим и непознаваем, что ничего подобного никогда в человеческой истории не было, что всякого рода геноциды, массовые убийства, истребления племён и народов, сущность которых заключается в слове “резня”, в подметки не годятся Холокосту, потому что “никогда раньше ни одно государство не организовывало с сознательным намерением и систематическим образом физическое уничтожение всех мужчин, женщин и детей определённого народа” (Стивен Кац).

“Холокост уникален и не имеет параллелей в человеческой истории” (Я. Нейснер).

“Тайна Освенцима — это “истина, заключённая в молчании” (Эли Визель).

“О Катастрофе невозможно говорить иначе, нежели через призму невыразимости” (Я. Леоняк) — и т. д.

В этот хор элиты синагедриона вплетаются причитания младших жрецов Холокоста — наших отечественных подголосков. Бывший советский критик Бен Сарнов, как старый попугай, почти дословно повторяет вышеприведённую формулу одного из верховных жрецов — Стивена Каца: “Дело в том, что впервые в истории человечества было принято решение об “окончательном решении вопроса” с конкретной нацией”. Куда, как говорится, конь с копытом, туда и рак с клешней. Наш Александр Асмолов тут как тут:

“Катастрофа Холокоста не вмещается в сознание человека <...> Как представить непредставимое!” — трагически восклицает он, уподобляясь Моисею, которому Господь на горе Хорив сурово заметил: “Лица моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых” (“Исход. 30-20).

Но, слава Богу, есть среди еврейских историков и трезвые люди, понимающие суть воплей об уникальности Холокоста: “Эти ссылки на Холокост, — замечает известный израильский автор Боас Эврон, — представляют собой не что иное, как официальное пропагандистское вдалбливание, непрерывное повторение определённых ключевых слов и создание ложного взгляда на мир. Фактически всё это направлено не на то, чтобы понять прошлое, а на то, чтобы манипулировать настоящим”... (“Индустрия Холокоста”, стр. 33).

Высмеивая теорию “уникальности” Холокоста, американский историк Норман Финкельштейн пишет: “Холокост невозможно рационально объяснить. Если нет сравнимых с Холокостом исторических событий, то он вообще возвышается над историей. Итак, Холокост уникален, потому что он необъясним, и необъясним, потому что он уникален” (стр. 36).

“Для Визеля Холокост, — иронизирует Финкельштейн над писаниями главного официального истолкователя Холокоста, — воистину “мистерияльная” религия. Визель подчёркивает, что ХОЛОКОСТ “ведёт во тьму”, “отвергает все ответы”, “находится вне истории, по другую её сторону”, “не поддаётся ни познанию, ни описанию”... Холокост — это “разрушение истории”, он знаменует собой “изменение в космическом масштабе”. Только выживший священнослужитель (читай — только Визель) способен проникнуть в его мистиерию. А поскольку эту мистиерию, как признаёт сам Визель, “невозможно передать”, “мы не можем об этом говорить”. Следовательно, Визель сообщает в своих речах, за которые он получает стандартный гонорар 25 000 долларов (плюс лимузин с шофёром), что “тайна” Освенцима — это “истина, заключённая в молчании” (там же, стр. 36).

Жрецы Холокоста впадают в отчаяние оттого, что не найдено, несмотря на все усилия, ни одного документа, из которого бы явствовало, что “окончательное решение еврейского вопроса” означало полное уничтожение евреев гитлеровской государственной машиной (или сталинской) от мала до велика. Историк Лакер с горечью писал: “До сих пор не найден письменный приказ об уничтожении еврейской общины, и по всей вероятности такой приказ никогда не был отдан” (У. Лакер. “Ужасная тайна”. Франкфурт-на-Майне, Берлин, Вена, 1981 г., стр. 190).

Один из основоположников литературы о Холокосте, Леон Поляков, также был разочарован: “Никакого документа не осталось. Возможно, его никогда и не было”.

Профессор Еврейского университета Иегуда Бауэр даже осудил поиски этого мифического распоряжения: “Общественность всё ещё время от времени повторяет глупую сказку о том, что в Ванзее якобы было принято решение о массовых уничтожениях евреев”. “Несмотря на самые тщательные поиски, не удалось найти приказа Гитлера об истреблении евреев” (С. Арон и Ф. Фюре — пресс-конференция в Сорбонне. Февраль 1982 г.).

Но коли так — если не было специально принятой и задокументированной программы уничтожения государством “всех мужчин, женщин и детей одного определённого народа”, то тогда Холокост не является неким исключением, неким уникальным событием и становится в ряд обычных геноцидов, обычных преступлений, которыми изобилует история человечества: испанцы истребили племена майя и ацтеков в Центральной Америке, протестанты-ангლოსаксы — извели 80% индейского населения Северной Америки, американцы уничтожили в несколько мгновений сотни тысяч японцев в Хиросиме и Нагасаки, хорватские фашисты вырезали во время гитлеровской оккупации Югославии сотни тысяч сербов, а сколько “недочеловеков” — корейцев и китайцев из числа мирного населения свели в могилу японские оккупанты, и подсчитать невозможно: на Востоке такого рода статистики не существует. Даже до сих пор не известно, сколько же погибло вьетнамцев во время жесточайшей войны, усвоенной США в Индокитае: считается, что от 4 до 6 млн человек...

А что уж говорить об африканском племени тутси, о преступлениях Пол Пота, об уничтожении индонезийской хунтой Сукарно почти всего населения острова Тимор в 70-х годах XX века! Но все эти кошмары с точки зрения жрецов Холокоста были обычными, рутинными событиями истории человечества, над которыми должен был возвышаться единственный и неповторимый Холокост. Но как его возвысить, если, несмотря на тщательнейшие поиски, “документа” не найдено? Тогда жрецы Холокоста решили упростить аргументацию. Смягчили свои требования к понятию Холокоста. Суть смягчения заключалась вот в чём:

“На Ванзейской конференции <...> все участники уже знали или понимали, что именно имеется в виду под “переселением”, под “окончательным решением”, под “особым обхождением” и т. п. (из книги “Отрицание отрицания”). Это похоже на возражение “холокостников” исследователям, доказывавшим, что в Освенциме технически невозможно было уничтожить такое количество евреев, которое хотелось жрецам: “Не надо задавать вопрос, как было возможно технически такое массовое уничтожение. Оно было возможно технически, потому что имело место. Такова обязательная исходная точка любого исторического исследования на эту тему <...> нет и не может быть дебатов о существовании газовых камер” (Р. Гароди, стр. 137).

Роже Гароди по этому поводу саркастически замечает: “Не надо задавать вопрос... Обязательная исходная точка... Не может быть дебатов. Три запрета, три табу, три окончательных предела для исследований” (стр. 136–137).

И никакого документа “об окончательном решении”, если он не найден — уже не нужно. Холокост и без документа всё равно остаётся “уникальнейшим” явлением в человеческой истории. Неужели П. Полян и А. Кох верят в то, что в Ванзее высшие идеологи рейха разговаривали шифрованным птичьим языком? Да зачем им-то друг от друга что-то скрывать? Немцы не таковы, и это полунемец без единой капли еврейской крови Альфред Кох должен знать. Немцы могут исполнять планы лишь тогда, когда всё решено и сказано ясно, прямо, исчерпывающе. “Всякий хаос, — писал русский философ Н. Бердяев, — для немца невыносим. Немец чувствует себя свободным только в казарме”. Приказ. Цель. Метод. Ответственность. Когда есть все эти компоненты — немцу нет равных. Он исполняет — и чувствует себя счастливым, докладывая: “Исполнено!” А в Ванзее они говорят (по Поляну и Коху) на какой-то политической фене, словно бы боясь, что их подслушивают будущие члены Нюрнбергского трибунала, а дешифровщик Павел Полян должен всё за них додумать, расшифровать и рассказать миру, что они имеют в виду. Как будто там заседали не фанатичные солдаты железного вермахта, а какие-то франкмасоны, ломающие сами перед собой кошмарную и болтливую трагикомедию. Не верю! — как говорил Станиславский.

* * *

Кампания по замене христианства религией Холокоста в России началась в конце 80-х — начале 90-х годов. Помню, впервые с этой тщательной проработанной и старательно оснащённой версией я познакомился в десятом номере журнала “Октябрь” за 1990 год. Статья называлась простенько и со вкусом: “Христианство после Освенцима”. Её автор некий Сергей Лезов попытался посеять сомнения в истинности и жизнеспособности христианства, конечно, не так грубо, как это делали в 20-е годы Демьян Бедный и Емельян Ярославский (Миней Губельман), но куда более коварно. “Безбожники” 20-х годов делали это грубо, “по-римски”. А Лезов изощрённо — “по-фарисейски”. Недавно я перечитал эту статью и сделал из неё некоторые выписки. Вот они.

“Юдофобский потенциал Нового завета, который сполна реализовался в истории церкви”...

“В Евангелии от Матфея мы находим <...> пароль христианского антисемитизма: “Весь народ сказал: пусть кровь Его будет на нас и на детях наших” (27: 25).

“Что же касается Евангелия от Иоанна, то в нём есть текст, ставший ключевым для христианского варианта идеи жидомасонского заговора: “Отец ваш дьявол, и вы хотите исполнять желания отца Вашего” (8.44). Отсюда автор статьи делал окончательный вывод: “Освенцим надвигается на нас, как суд над нашим христианством”.

“Должна измениться не только наша жизнь, но и сама наша вера”.

Одним словом, жрецы Холокоста, используя, как им показалось, благоприятный момент в человеческой истории, решили “опустить” христианство с общечеловеческих высот (“несть ни эллина, ни иудея”) до вульгарного антисемитизма. А значит, надо заменить христианство на религию Холокоста, поскольку жертва, которую принёс еврейский народ (6 миллионов!), якобы затмила голгофскую жертву.

И сразу, как по команде нового синедриона, на страницы газет и журналов выбежал целый легион обслуживающего персонала, толмачей, служек новой религии. Именитый функционер советской критики Бен Сарнов выступает в американской русскоязычной газете под рубрикой “Евреи глазами именитых”:

“Христианская цивилизация потерпела крах. В рассказе Файбисовича у основателя христианства нет иного выхода, нежели погибнуть со своими современниками. Файбисович попал в самую болезненную точку” (“Форум”, 10.16.07).

Наверное, неведомый нам Файбисович является жрецом куда более значительным, нежели “шестёрка” Сарнов, если наш Бенедикт ссылается на него, как на обладающего правом судить самого Спасителя.

Но жрецы Холокоста, объявляя Холокост “непознаваемым и непостижимым”, тем не менее, создают фонды, пишут учебники, проводят конкурсы в школах на предмет изучения Холокоста, возят учителей в Израиль, в Америку, в Освенцим, словом, собирают с неофитов свою “десятину” в любой валюте. А это и есть, по словам Ханны Арендт, пошлая “банальность зла”, вполне познаваемая и оценённая по прейскуранту. И многие способные ученики обучаются новому “священному писанию” весьма быстро.

Вот и Матвиенко обучили складно рассуждать о Холокосте, что видно по её предисловию к шведской книге, которую, по её словам, “сердцем прочтут и учителя, и ученики, и родители повсюду в России”. Ну если разумом понять нельзя – то хоть сердцем.

А вот Асмолов – тот поглубже, нежели Матвиенко, копается в пепле Холокоста... Он-то понимает, что понять Холокост невозможно. “Масштаб трагедии Холокоста не вмещается в сознание”, “Холокост остаётся непредставимым”... И одновременно горюет профессор, что Холокост “фактически не представлен в массовом сознании российского населения”, что в школьных программах “отсутствует какое-либо прямое упоминание о Холокосте”. То есть понять невозможно, но изучать всё-таки надо.

Очень боится профессор, что, не усвоив уроков Холокоста, российские граждане попадут в объятия “политического антисемитизма”, что “в сфере образования сторонники национал-патриотической и неофашистской идеологии мечтают о создании образовательных программ, направленных на формирование “обыкновенного” фанатического сознания, подчинённого формуле “нация превыше всего”. И совсем плохо ему становится, когда он понимает, что эти национал-патриоты, идеологи, учителя “вслед за Сталиным призывают спасти русско-православное сознание от троцкистской химеры, космополитизации, финансового порабощения антропологической российской православной цивилизации”... Всё-таки не выдержал, не стерпел, поскользнулся на политике, добрался до православной сущности, мешающей усвоению Холокоста. Одна у него надежда – на учителей, которые, отбросив все “этнические предрассудки”, поведают о Холокосте своим ученикам, те всё сразу поймут, вместят, откажутся от православия, и тем самым “именно учителя спасут Россию от пути к Холокосту” А чего нам опасаться? У нас российский Холокост в эпоху Троцкого и Ягоды уже был. И ничего. Выжили. А еврейского Холокоста нам не нужно, нам нужно еврейское покаяние. Перед Россией. Именно об этом, размышляя о сути русской революции, писал отец Сергей Булгаков в работе “Расизм и Христианство”, посвящённой победе революции 1917 года: “Да, большевизм есть именно еврейский погром, совершённый именно еврейской властью, ужасная победа сатаны над еврейством, совершенная через посредство еврейства. Можно сказать, что это есть историческое самоубийство еврейства <...> Грех и преступление перед Израилем и перед Россией должны быть осознаны и исповеданы в национальном еврейском покаянии, а не замолчаны или же горделиво отвергнуты”. В 1942 году, когда Булгаков писал эту работу, государство Израиль ещё не существовало и слово “Израиль” надо понимать как религиозно-мистическое призвание еврейства, которому оно изменило, очертя голову бросившись в русскую революцию.

Об этом же, но другими словами писал Абрам Зисман, инженер, русский еврей, служивший в царской армии, сидевший в сталинских лагерях, воевавший в штрафном батальоне в советской пехоте, попавший в плен к немцам, бежавший из плена, словом, человек фантастической биографии:

“Мы стараемся не говорить о той весьма неблагоприятной роли, которую играли наши единоверцы во время революции 1917 года и особенно в медовые годы большевистско-коммунистического владычества. Скрываясь в Чехословакии во время Гитлера, я встретился с Кантором Гершковичем, и в беседе мы провели почти целый день. Он на прощанье обронил фразу: “Не есть ли эти гитлеровские казни возмездие за то гнусное участие наших в России в 1917–1928 годах?”. Да, подумал я, существует Высшее правосудие” (из “Книги о Русском Еврействе”). Однако в 90-е годы XX века в России проблема “покаяния” была перевернута с ног на голову.

“В 90-х годах в Москве на Поклонной горе поставлен музей памяти Холокоста... Отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран... Мы переходим от покаяния к государственным действиям”. Это слова Валентины Матвиенко из предисловия к шведской книге. Приятно сознавать, что Валентина Ивановна размышляет о Холокосте глубже Абрама Зисмана, основательнее знаменитого богослова отца Сергия Булгакова, правильнее Василия Гроссмана.

* * *

Каков же итог “вдалбливания” религии Холокоста в головы обывателей? Его жрецы совершили поистине сверхчеловеческие, сатанинские усилия, чтобы переписать историю христианства и по-новому отразить в уродливом зеркале новозаветную мистерию.

Василий Шукшин, который в сказке “До третьих петухов” рассказал о том, как черти штурмуют монастырь и требуют, чтобы монахи вместо ликов святых на иконах изобразили их безобразные рожи, даже представить себе не мог, что угадал в этой сцене не только судьбу России, но и всемирно-историческую провокационную драму.

Три силы действуют во всех четырёх новозаветных евангелиях. Грубая материально-историческая Римская империя, олицетворяемая прокуратором Иудеи Понтием Пилатом, синедрион фарисеев, возглавляемый Первосвященником, потребовавшим от Пилата смерти вероотступника и еретика, галилеянина Иисуса Христа. И, наконец, Сам Христос, искупающий своими муками на Голгофе все грехи человечества.

Но после муравьиной работы жрецов Холокоста христианская библейская мистерия, по их замыслу, должна превратиться в кощунственную карикатуру. Роль Христа, сознательно восшедшего на Голгофу, исполняют “сухие ветви” — “шесть миллионов” европейских евреев, бессловесно и безблагодатно, как стадо овец, пришедших в Освенцим, в Бабий Яр, на военные заводы и оборонительные укрепления Третьего рейха.

Роль коллективного Пилата в новой религии играет бюрократический слой гитлеровской элиты — от Гимmlера до Эйхмана, которые сначала планировали выселить “овец израилевых” на Мадагаскар, вытеснить их в Америку и в Палестину, и лишь когда демократические страны не приняли этого подарка, отстроили Треблинку и Майданек. А роль элиты фарисейской — Каиафы, Анны и других жрецов Голгофы сыграли Хаим Вейцман, Бен-Гурион, Ицхак Шамир и другие отцы-основатели государства Израиль.

А дальше — проще. Появились свои святые — Рауль Валленберг, Симон Визенталь, Шиндлер, Анна Франк, Януш Корчак, свои евангелисты — Эли Визель, Стивен Спилберг, Рауль Хильберг. Новой религии нужны свои алтарники, служки, адвокаты, мелкие идеологи, “шестёрки”, имя им нынче — легион, если подсчитать, сколько народу работает во всех холокостных фондах, комитетах, изданиях, рассыпанных по всему миру. У нас их тоже немало, этих жрецов, кандидатов в жрецы и просто функционеров разного уровня.

Павел Полян, к примеру, по совокупности заслуг (несколько книг, десятки, если не сотни статей, хорошее знание предмета и т. д.) может претендовать на роль жреца средней руки. Ну, а Альфреда Коха (по его собственной оценке, экономиста) можно поставить на торговлю бумажными иконками Визенталья или Валленберга или просто определить к свечному ящику.

Лишь Януша Корчака я бы не уступил жрецам Холокоста. Он, в отличие от всяческого рода шиндлеров и кастнеров, не торговал еврейскими жизнями, а пошёл на смерть за свои убеждения, как христианин Нового времени на

свою Голгофу, подобно матери Марии, подобно внучке православного священника Зое Космодемьянской, подобно узнику Маутхаузена, крещёному русскому человеку генералу Карбышеву. Так что Януш Корчак (он же Яков Гольшмидт) не ваш холокостный, а наш христианский святой.

Как и положено в истории, постепенно возникли и свои еретики – Ханна Арендт, Роже Гароди, Норман Финкельштейн, Эдуард Ходос, Ноам Хомский, о котором еврейско-американская пресса пишет, что это *“выдающийся американский лингвист, резко критикующий США и капитализм. Он выступал за ликвидацию Израиля и отказался ответить, верит ли он в реальность Холокоста”* (“Форум”, 1–7/1, 2009 г.).

Так же, как фарисеи переложили свой грех распятия Христа на римлян, так же умело вожди сионизма, подталкивавшие нацистов к тому, чтобы те обрезают “сухие ветви”, стараются всю последующую историю скрыть своё соучастие в Холокосте с “гитлеровским Римом”.

“Лучше пусть один человек умрёт, нежели весь народ”, – яростно и недвусмысленно заявила фарисейская верхушка всему миру.

“Лучше пусть миллионы “сухих ветвей” сгорят в пламени Холокоста – лишь бы сильные выжили, чтобы возродить государство Израиль, и чтобы возникла религия Холокоста”, – вот что в разных форматах твердили вожди сионизма в 30–40-е годы.

Впрочем, вполне возможно, что для Западной Европы, ввавшей в 30-е годы в языческий культ расовой религии, в катастрофическое забвение христианства (что продемонстрировал даже Ватикан, благосклонно относившийся к культу “арийских ценностей”), такая смена веры будет справедливым итогом. А почему бы нет? Вспомним нынешний апостасийный дух Западной Европы, пустые храмы, обвинения апостолов Нового завета в антисемитизме, извинения Ватикана перед евреями за “новозаветное зло”, содомские грехи в среде духовенства, эпидемия педофилии – всё свидетельствует о том, что Запад созревает для религии Холокоста. На землях Запада разрушаются христианские храмы (в Косово), возводятся музеи Холокоста, куда приводят паломников, католических монахинь изгоняют из Освенцима, школьники западных стран штудируют новое евангелие – историю Холокоста.

Природа не терпит пустоты: износились одна вера, не устояли потомки святого Петра и Франциска Ассизского в христианстве, качнулись было в мир расовой демонологии, но не сумели выиграть борьбу за религию Розенберга – что ж, побеждённые получают взамен религию Валленберга.

Но мы-то, православные, здесь при чём? У нас храмы полны народа во все дни главных двенадцати праздников христианских. Рождество у нас отнюдь не сумасшествие шоппинга, а праздник Рождения Младенца Христа. У нас Пасха – праздник чудесного Воскрешения Сына Божьего – главный светлый праздник нашего православия, в отличие от Закатного мира, постепенно забывающего смысл пасхальной мистерии.

Так что в русском православии жертва Христа – явление животворное, и нам никакая новая религия Холокоста не нужна. В России христианство себя оправдало.

Когда Господь хочет наказать кого-то, то лишает его разума. Чтобы религия Холокоста стала окончательной карикатурой на христианство, её жрецы не нашли ничего лучшего, как создать решением своего синодрина холокостную священную инквизицию. А как же иначе назвать всяческого рода законы, по которым не из-за отрицания потерь европейского еврейства (таких злостных идиотов среди историков нет), а за сомнение в количестве погибших в эпоху катастрофы, за объективное изучение документов, за разоблачение множества афер и мошенничеств в индустрии Холокоста – историков, журналистов, демографов во многих странах мира вот уже несколько лет подвергают гонениям, денежным штрафам, тюремным срокам, запретам на профессию. Разве это не похоже на средневековые гонения, которым европейская инквизиция подвергала не только великих учёных вроде Галилея, Джордано Бруно и Коперника, но и многие тысячи пытливых еретиков, сомневавшихся в непогрешимости папы и в истинности прочих ватиканских догматов, о которых сегодня уже забыли и в самом Ватикане.

В герберовском бюллетене “Холокост” (№ 1, 2007) опубликована резолюция Генеральной Ассамблеи, принятая 26.01.2007 г. без голосования, гласящая:

“Генеральная Ассамблея безоговорочно осуждает любое отрицание Холокоста. Она настоятельно призывает все государства-члены безоговорочно отвергать любое отрицание Холокоста – будь то полное или частичное – как исторического события или любые действия в этих целях”. Особенно важны здесь слова о “частичном” отрицании Холокоста и о “любых действиях в этих целях” – то есть запрещается изучать, исследовать, анализировать, сомневаться. Абсолютно средневековый инквизиторский подход к событию, происшедшему в новейшей истории.

В начале 2009 года в Европе произошёл большой скандал: папа римский Бенедикт XVI отменил отлучение от церкви епископа Уильямсона, который не раз публично высказывался о том, что число евреев, погибших во время Холокоста, сильно преувеличено. В связи с этим популярное российское издание “Коммерсантъ” опубликовало 30 января 2009 г. корреспонденцию под заголовком: “Папу римского отлучили от Израиля”, в которой был такой абзац: **“Бенедикт XVI напомнил паломникам о своём посещении Освенцима <...> где в годы Второй мировой войны погибло 6 млн евреев”**. Если все 6 миллионов погибли в Освенциме, то в других концлагерях не погибло ни одного еврея. Перестарались “коммерсанты”.

Слава Богу, что я живу и пишу в России и потому могу высмеять отвязанных журналистов за их клевету на реальную историю. Но во Франции, где действует “холокостный” закон Гессо, наказывающий “любые действия в этих целях”, то есть в целях изучения Холокоста, мне грозил бы тюремный срок.

Жрецы Холокоста, словно нынешние эпигоны Торквемады, воспринимают всякое прикосновение к своей религии как кощунство (“на святое посягают!”), забывая в своём фанатичном (или корыстном?) раже о том, что Галилей после суда и своего вынужденного покаяния оставил последнее слово за собой: “А всё-таки она вертится!”

XI. Одиночество православного еврея

*Зайдите в православную церковь и за
душу мою окаянную зажгите свечку.*

Б. Бернштейн. Из письма

Весной 1990 года я неожиданно получил письмо из небольшого израильского городка. Автором письма был врач, мой ровесник, который родился и вырос в СССР, окончил московский мединститут, честно отработал врачом-хирургом несколько лет не где-нибудь, а на далёкой Камчатке, куда уехал с женой и маленькой дочкой. Вернувшись в родную Ригу, он попал в такую еврейскую среду, что вскоре стал убеждённым сионистом и после долгих мытарств в середине 70-х годов прошлого века эмигрировал на “историческую родину”.

А вот там за последующее десятилетие с ним произошли превращения куда более серьёзные, нежели из советского врача в израильского сиониста: он крестился и стал православным христианином.

В 1990 году к нему в руки попал один из номеров “Нашего современника”, где я уже работал главным редактором, что и послужило причиной возникшей между ними переписки, которая длилась двенадцать лет.

Он стал страстным читателем и ревностным другом журнала, постоянно звонил по телефону и в редакцию, и ко мне домой. А жилось ему на “исторической родине” после принятия православия с каждым годом всё тяжелее, “демократическое” израильское общество выталкивало своего блудного сына из всех сфер жизни. Порой ему даже не хватало средств, чтобы выписать любимый журнал, и тогда он, смущённый своей бедностью, звонил в редакцию и трогательно просил нас, чтобы мы продолжали ему высылать “Наш современник”, что вот-вот его материальное положение должно улучшиться, и он расплатится со своими долгами. Конечно, мы выполняли его просьбу, понимая, как тяжело ему живётся в обществе, где за отступником следит тайная полиция Шаббад, где его, прекрасного врача, “выдавливает” из профессиональной среды корыстные конкуренты, где над ним, православным христианином, издеваются современные обыватели-фарисеи. Его трагическая судьба, его письма, которые нельзя читать без волнения, помогают понять, как

трудно устоять в истине таким людям в современном антихристианском мире, управляемом властью “жрецов”.

* * *

Отрывки из писем Бориса Бернштейна с 1990-го по 2002 год.

5.4.1990. “Здравствуйте, дорогой русский человек во Христе, Станислав Юрьевич!

Очень радостно мне – получил Ваше письмо.

Слава Богу за всё. Я вот сейчас на себя смотрю, как я, 56-летний, радуюсь, как ребёнок от хорошей игрушки – откровенно, не лукаво от Духа Христова, что Он мне дал, спасая меня от рода сего – прелюбодейного и грешного. На улице около почты, прочитав Ваше письмо, поднял сынишку своего 4,5 лет, перекрестился и его перекрестил со словом: слава Иисусу Христу! Аллилуйя!

А они, антихристы, смотрели и не видели (не понимали), и если утверждают, что понимали, что ненормальный я человек, то грех их вдвойне на них.

Они сами зывают к себе всё плохое и самое худшее отношение, требуя через правителей мира сего прекратить плохое к ним отношение (антисемитизм), не прекращая делать зло. Но этот род “проклят он” – из Иеремии, пророка Божьего, еврея, ненавидимого евреями, преследуемого ими и, кажется, ими убитого. А потомки их ему памятники ставят, и в том суть их двуличия.

Ведь мои по крови братья, по духу – враги, антихристы такое наделали на свете вообще и в России в частности, что неудивительно, если бы Вы не доверяли моим письмам, как еврейскому уму, изобретательному на зло и лукавство <...> не дай Бог, чтобы у вас – россиян через голод, через колбасу они победили души ваши и Христа отняли.

Вот, к примеру, араб-торговец, торгуя, старается тебя обмануть, заработать хитростью – и она, его хитрость, глупа, наивна, бессовестна и т. д., т. е. человечна в отрицательном смысле. Но еврей-торгаш, семит, двоюродный брат араба, вас обманывает невидимо глазу, сверхумно, сатанински и без крика, без оскорбления словами, с улыбкой Иуды Искарота”.

“А больницы здесь не имени Пирогова, или Бира, Кюмеля, а имени миллионеров-евреев. Всё продаётся и покупается. Неужели Бог допустит в многотрадальной России рыночные отношения?”

9.5.1990. “Сегодня из американской “Свободы” я узнал, что Вы и другие писатели были в США, что Вас нигде по-человечески даже понять не хотели; мне это было очень понятно, т. к., давно живя в Израиле, я понял, что США оккупированы евреями-сионистами, что власть конгресса у евреев, что золото у них... Поздравляю русский народ с Днём Победы, русский народ, спасший евреев от полного уничтожения, а сейчас они русофобствуют”.

23.5.1990. “Совсем недавно разговариваю с евреем из России, 70 лет ему. Говорю: “Вы верите, что от взрыва вселенского произошло творение мира (от разрушения!), а не от Бога по его слову?” “Да, – говорит этот еврей, – хорошее дело произошло, например, алмаз – от температуры”.

Вот как нечестивец правду Божью в хохму обратил! И я вспомнил: “Грех Иуды написан железным резцом и алмазным остриём, начертан на скрижалях сердца и на рогах жертвенников их” (Иеремия, гл. 17 ст. 1). Вот зачем так же есть алмаз для них”.

“Читаю стихи Виктора Кочеткова, какая истина, Божия простота. Какая истина России из Виктора Верстакова. Смотрю на их лица и читаю стихи их – и слёзы тихие”.

22.11.1990. “Я раньше, живя в России, не понимал многого. Я, питаемый сионистами и радио Израиля, воевал с антисемитами, стал почти ненавистником русских... Это несмотря на то, что у русских получил бесплатное образование врача-хирурга в лучшем институте России вместо другого русского человека. Удрал в Израиль. Но только здесь я понял, что есть зло, что есть добро – то есть Христос. Как мне вернуться в Россию? Понял я на шкуре своей, что не хлебом единым жив человек”.

12.10.1991. “Здравствуйте, добрые русские люди “Нашего современника”, здравствуйте, добрый русский самаритянин Станислав Юрьевич... .

А как нагло евреи Э. Неизвестный и Галич хотят быть сынами России, как нагло они уют свой на земле за счёт других делают”.

21.3.1991. “Признание своей греховности, покаяния и Христа... Кажется, таких евреев здесь не встречал. Как мне печально от этого. Ничего не помогает: галут, погромы, Гитлер, т. к. не осознают Христа, отнят у них этот святой инстинкт отличения от зла добра... .

По тайному указанию Шабада старались свести меня с ума, чтобы я явился в психбольницу и потребовал госпитализации”.

2.3.92. “Игорь Шафаревич благородный, Александр Казинцев и Валентин Распутин – все добрые, истинные писатели “Нашего современника” <...> Обо мне иудеи проклятые распускают слухи, что я ненормальный. Что со мною творят – это было предсказано еврейскими пророками, которых они убили. Неужто они всех соблазнили и запугали? <...> Такое варово наварили они, что теперь в цивилизованном мире евреи нечто грязно-подлое, хитрое, сатанинское”.

9.5.1992. “День спасения Россией евреев от полного уничтожения. – 9.5.1945 г. Решился обратиться к Вам с просьбой. Учился я в Первом медицинском (1953–1959 г.) вместе с Владимиром Васильевичем Кузьменко и часто его теперь вспоминаю в душе добром. Не за какие-то его мне услуги (их не было, да и не нужно было), просто теперь после многих лет и во Христе чётко и правильно это прошлое вижу. Примечательно, что вспоминаю я теперь Володю не просто как очень положительного малого, но как... христианина. Да! Именно с христианским духом он был в то время, и вспоминаю его христианское ко мне отношение, доброе, несмотря на моё законничество глупо фанатичное и доверие к антихристианским моим временным знакомым. Он их называл “прохиндеями”, но всегда незлобно улыбаясь. В нашей группе был ещё еврей Миша Залкинд, он водку не пил и не грешил, а только умные медицинские дела всасывал. Умненький еврей, но христианином не стал. А мне повезло лучше их всех, так как со мной рядом был Володя Кузьменко из христианской + русской семьи + благословение мне, недостойному, и вот я из евреев атеистов + сталинцев, ревнителей ненормальных, обременённых оболещением антихристианским (приобретённым) и наследственным неверием Богу и ещё Богоборчеством, – спасся от смерти вечной. Христос дал мне спасение – узнать истину, и она сделала меня свободным.

Так вот, услышал я по московскому радио, “Голос России”, что врачи бастуют, а некто Кузьменко – председатель этой забастовки, может быть, это мой бывший сокурсник Владимир Васильевич?

Узнайте, если сможете”... .

18.9.1992. “Воистину перестройка – продолжение плана сионистских раввинов за то, что Россия спасла их от геноцида... <...> Читаю Ваши журналы и скажу я Вам, что ещё более открывается мне через вашу прозу, поэзию, публицистику, что знание, т. е. истина духовная, т. е. христианское её понимание – самое главное, что нужно человеку” <...>

“Даже еврей Эйнштейн сказал несколько раз оппоненту-христианину Нильсу Бору, что Бог не играет в кости. Так это же знает любой русский православный человек и даже я <...> Один раввин сказал мне, что Бог решил уничтожить всех евреев, но по милости остановился на шести миллионах. А врач, нажавшаяся в России, Ида Нудель, мне сказала: “Езжайте, езжайте в Россию – там вас охранять будут антисемиты”. В моём досье стоит их сатанинский знак, чтобы нигде мне не дали снова врачом работать. Точно, как в Откровении Иоанна о звере-антихристе, что в Израиле из его племени выйдет дух зла”.

7.3.1993. “Наш современник” № 1 получил. Спасибо тебе, брат! Не всё ещё прочёл, но что понравилось, скажу сразу: “Два креста (Казачья дума)” – Юрия Кузнецова. Как это мне, грешному, душу чистит и слёзы покаяния и любви вызывает к ослеплённому казаку-человеку”.

24.12.1994. “Потерпели от иудеев, которые убили и господу Иисуса и его пророков и нас изгнали (апостолов. – Б. Б.) и Богу не угождают и всем чловекам противятся” (Послание фессалоникийцам. Гл. 2, стих 15”).

20.5.99. “Вы никакой абсолютно не антисемит, С. Ю. Русский праведный человек, добрый и скорбящий. Вы это зло в Вашей родине России терпели и

сначала просили их, и думали, что они сами остановятся, совестью. Нет же в них Христа и совести нет”.

22. 5. 99. “С. Ю.! Как они омерзительны в мышлении и поступках. В России я этого не знал, т. к. был в основном не с ними, а если и с ними, то они показывали себя прилично. А здесь полностью жида из России сразу другими стали. Например, бывший офицер утверждает, что он, как любой еврей, честен, и стал грозить мне судом за то, что я верую во Христа. Сколько жидов старых я лечил бесплатно и от всей души, как Христос переродил меня полностью, убрал жидовский дух из меня для саможертвенности тому, кто во мне нуждается.

А они, эти жида, которых я лечил, за спиной смеялись надо мною, т. к. я не брал денег – и говорили, что я плохой доктор, т. к. не беру денег!”

7. 11. 1999. “Послезавтра приедут сюда TV-журналисты, хоть евреи, но продажные (не холодные и не горячие – демократы); хорошо и точно о них пел Игорь Тальков, убитый евреем пархатым, сбегавшим в Израиль.

Молюсь за Россию – и за тех, кто с нею и за Вас. А Вы зайдите в православную церковь и за душу мою окаянную зажгите свечку. Только в Боге успокаивается душа моя”.

18. 5. 1999. “Не понимаю многого в происхождении антисемитизма, я начинал соглашаться с евреями, что он – от зависти “гоев” к евреям, к их “успехам” везде. Да и в Израиль ехал на родину историческую в радости и вдруг почувствовал зло к России (вот и она сейчас на себе тоже почувствовала еврейское отношение к добру, святости, чести, долгу, человечности).

Пережить шесть миллионов, галута, погромы и до сих пор распинать Христа воскресшего теперь уже языками: ЕШУ – начальные буквы проклятия “Исчезнет имя его и память о нём”. Нет во мне зла. Но есть отвращение к их жизни, к всесилию временному. Невозможно не придти соблазнам, но “горе тому, через кого они приходят – лучше бы тому не родиться” (Св. Лука, 1-17).

Как ясновидец Божий, подполковник в ОВИРе, в Москве за Центральным телеграфом на улочке сказал мне: “Вы наш, и ещё вспомните слова мои”*.

15. 11. 1999. “С. Ю.! Как хорошо быть братьями вместе. Единomyслие – не от диктатуры, а от неба – Бога, совесть. “Совестный человек даже кошки стыдится” (А. П. Чехов). И вспомнил его “Жидовку”, рассказ, как она (жидовка) бесстыдно сексуально выманивала деньги у православного человека” <...>

Вчера лишь узнал, на ком и когда (уж как 4 года) женился сын мой. Он вышел от меня, но он не мой. “Они вышли от нас, но были не наши”. Отец его матери подполковник, жид, комиссар Танкелевич Зундл вёз в секретном вагоне жида Якира из Киева на Лубянку, на расстрел, и его дочка меня сразу в Израиле оставила. Но Христос спасает меня”.

12. 7. 2002. “Как сказал немецкий писатель Авраки: взбесили Германию (немцев), а теперь и арабов. Уникальная склонность ко злу. <...> Как я благодарен Христу, что оторвал меня от зла. Ведь я точно знаю, что никакие университеты в Нью-Йорке или Москве не дали бы мне то, что Христос дал”.

2. 9. 2002. “Более 20 лет не общались мы с женою. По её просьбе ко мне развелись, т. к. ей тайно, но точно объяснили: если не разведётся со мною и детей от меня не удалит, то им будет “ужасно жить” в Израиле, так как я начал открыто исповедовать христианство. Жена мне объяснила, что если я люблю детей, то ради них мы разойдёмся, и я тихо как бы умру, не буду звонить и пытаться их видеть <...> Стыдно просить у Лукашенко убежища в Белоруссии. Кому я нужен в 68 лет, но я люблю его и восхищаюсь им”.

“Когда я показал свидетельство о моём Крещении владыкой Марком в р. Иордане, он (сослуживец. – Ст. К.) быстренько постучал (поклевал, как воробей) по компьютеру и торжественно сказал: в Израиле ты числишься евреем. а эта писулька для туалета!”

* Из очерка Т. Ронанеп (“Новая панорама”, 21.12.1990). О судьбе Б. Бернштейна: “Лезешь в бутылку? – спросил его седой подполковник. Ты ведь не такой, как они. Тебя сагитировали. Ты наш, простой, открытый: тут и то режешь правду-матку. – А Вы меня отпустите! Я ни перед чем не остановлюсь. Зачем Вам процессы? Диплом я честно отработал на краю света... – Да какой ты еврей! Нам известно, что ты дружишь с латышами, с русскими... Нет, не приживёшься ты там. Но смотри сам, хочешь – езжай”.

Однажды Борис позвонил мне и рассказал по телефону почти библейскую историю, случившуюся с ним:

– Ехал я, Станислав Юрьевич, на велосипеде по шоссе, огибающему берег моря. А машины – джипы, мерседесы – мчатся рядом со мной. Одна из них неожиданно издала такой оглушительный звуковой сигнал, что я вильнул рулём, наткнулся на бордюр и вылетел через руль на обочину. Разбился сильно, особенно колени. Встать не могу. Рядом со мной велосипед с помятым колесом. А сверкающие машины мчатся, обгоняют друг друга, и меня как будто никто не видит, никто не останавливается. Что делать? Смотрю, по обочине приближается телега, запряжённая лошадей. В ней сидит араб-палестинец. Я руку поднял. Он остановился. Слез. Подошёл ко мне. Приподнял и посадил на какие-то мешки в телегу. Велосипед мой положил и в больницу отвёз. Вот так-то. Умер бы я среди иудеев, если бы не бедный феллах-мусульманин”.

Ну как тут не вспомнить притчу о самарянине, которую, отвечая на вопрос лукавого законника: *“а кто мой ближний?”* – рассказал Иисус Христос.

На одного человека напали разбойники, нанесли ему раны и оставили на дороге едва живого. По дороге прошёл мимо раненого священник, *“а также один левит”*... и никто не остановился, не помог несчастному. Самарянин же (левиты-расисты считали самарян низким и недостойным племенем), проезжая мимо, *“сжалился и подошед перевязал ему раны... и привёз его в гостиницу”*, заплатив за уход за ним. *“Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?”* – спросил Христос законника-левита. И тот вынужден был ему ответить: *“Тот, кто проявил милосердие”*.

* * *

Из интервью Б. Бернштейна, опубликованного в журнале “Панорама” от 21 декабря 1999 г.:

“Болят у меня душа за Израиль. Пропадём мы, совсем озверели. Повсюду царит злоба. Врачи забыли клятву Гиппократу, только о деньгах и пекутся. А если человек прямой и честный, то заключают его... Вот уже и дождя небо не даёт. Только кто меня станет слушать?”

* * *

В одном из последних писем, видимо, для того, чтобы я понял глубину его одиночества в “хаосе иудейском” (О. Мандельштам), Борис прислал мне два письма архиепископа Сиракузского и Троицкого Лавра, адресованные ему, Борису, в ответ на просьбы о том, где ему в Израиле найти духовную помощь, чтобы не впасть в отчаянье. В первом письме архиепископ Лавр пишет:

“Если Вы бываете в Иерусалиме, то можно зайти в наши обители и поговорить и получить духовную поддержку или от наших батюшек или же поговорить с игуменией Анной в Гефсимании. В Назарете есть священник, православный араб Роман Родван, он говорит неплохо по-русски”.

Во втором письме Лавр уже не даёт никаких практических советов, а просто утешает словом удручённого и почти отчаявшегося человека.

“Боголюбивый раб Божий Борис!

Спасибо Вам за письмо-весточку, которое я получил. Теперь мы понимаем, что Вам трудно в окружении нехристианского населения. Тем более что там нет поблизости православного храма. Духом не падайте.

На горе Кармил должен быть православный храм, но, вероятно, он закрыт, и там теперь нет никого из насельников. Над городом Хайфой имеется католический монастырь, где пещера святого пророка Илии. Мы там во время паломничества останавливаемся и немного осматриваем местность с горы. Там мы были прошлым летом.

Да хранит и благословит Вас Господь!

С любовью о Господе.

+ Архиепископ Лавр. 9/22 июня 1993 г. ”

* * *

После 2002 года от моего православного друга больше не пришло ни одного письма, не раздалось ни одного звонка телефонного... Не знаю, жив ли? А может быть, жестоковывные психиатры добились своего и упекли несчастного в какую-нибудь тюрьму-лечебницу.

А ежели помер — да примет Господь его мятущуюся душу в Царствие своё. Я же перечитал его письма, и когда с щемящим сердцем обнаружил просьбу — поставить свечку в православном храме, как он просил, за его “окаянную душу”, пошёл в древнейшую калужскую церковь Святого Георгия и совершил всё, о чём просил меня русский еврей и православный человек Борис Бернштейн, мой брат во Христе...

* * *

Р. С. Иисус Христос шёл на крестные муки, выполняя Высшую волю Бога-Отца и по своей воле. А чью волю выполняли несчастные обманутые овцы стада Израилева? Волю своих лукавых, корыстных и беспощадных жрецов, которые убедили “малых сих”, что надо собираться на новые места жительства, ведущие в Освенцим, к Вильнюсскому или Минскому гетто, откуда не было выхода. Жертва этих обманутых овец стада Израилева была рабской и безблагодатной, как в доисторические времена, когда жрецы отбирали у них первенцев и волокли их к жертвенникам грозного и немилосердного Ягве, жаждущего обонять жирный дым от пожираемых огнём Всесожжения человеческих жертвоприношений. И недаром Борис Бернштейн в своих письмах ко мне так часто вспоминает о предтечах Христа — древних пророках, особенно о судьбе изгнанника и мученика Иеремии. Конечно, легче всего нынешним жрецам было объявить Бернштейна душевнобольным, что, судя по его письмам, делалось не раз, однако и Христу и пророкам левиты и фарисеи ставили такие же диагнозы.

А вот как пишет в нынешней еврейской русскоязычной американской газете “Новое русское слово” (8.12.1989) о Христе и христанстве некий Израиль Рабинович.

“Казнённый по приказу Губернатора Иудеи Понтия Пилата Христос был, как известно, распят на кресте (так казнили восставших против власти Рима), а не забит до смерти камнями (как поступали с теми, кто был объявлен святотатцем и лжепророком)”.

Здесь каждая фраза пропитана лукавством. Христос восставал не “против власти Рима” (вспомним его знаменитое “Кесарю Кесарево”), а против власти над народом секты фарисеев, возглавляемой Синедрионом, и Пилат, желавший отпустить Христа, после отчаянного спора с фарисеями хотя и дрогнул перед их шантажом, понимая, что, если он помилует “еретика”, то фарисеи донесут в Рим, что он “не друг Цезарю”, но, “умыв руки”, заявил всем, кто его слышал, что он “не повинен в смерти этого человека”.

Рассказ о воскресении Христа автор называет “святотатством”: *“что бы ни говорили христиане об Иисусе, об обстоятельствах его смерти, о словах, произнесённых Им в последние мгновения — равнины предпочли это не опровергать, а игнорировать... С точки зрения раввинов кощунством было предполагать, что евреи повинны в казни Мессии”*.

Но подобные размышления — это ещё цветочки; в изданиях, рассчитанных не на массового читателя, приоткрывается куда более тотальное неприятие Христа или даже ненависть к нему.

В своей статье “Какова была роль евреев в послереволюционной России” Вадим Валерьянович Кожин подробно комментирует книгу воспоминаний весьма известного в советское время филолога М. С. Альтмана, выросшего в ортодоксальной дореволюционной талмудистской среде. Вот отрывок из статьи В. В. Кожина. *“Он (Моисей Альтман. — Ст. К.) родился в городке Улла Витебской губернии и получил, так сказать, полноценное еврейское воспитание. Об “основах” этого воспитания он говорит, например, следующее:*

“Вообще русские у евреев не считались “людьми”. Русских мальчиков и девушек прозвали “шейгец” и “шикса”, т. е. “нечистью”... Для русских была даже особая номенклатура: он не ел, а жрал, не пил, а впивался, не спал,

а дрыгал, даже не умирал, а издыхал. У русского, конечно, не было и души, душа была только у еврея... Уже будучи (в первом классе) в гимназии (ранее он учился в иудейском хедере. — В. К.), я сказал (своему отцу. — В. К.), что в прочитанном мною рассказе капитан умер, а ведь капитан не был евреем, так надо было написать “издох”, а не “умер”. Но отец опасливо меня предостерег, чтобы я с такими поправками в гимназии не выступал... Христа бабушка называла не иначе как “мамзер” — незаконнорожденный, — рассказывал ещё М. С. Альтман. — А когда однажды на улицах Уллы был крестный ход и носили кресты и иконы, бабушка спешно накрыла меня платком: “чтоб твои светлые глаза не видели эту нечисть”. А все книжки с рассказами о Богородице, матери Христа, она называла презрительно “матери-патери”...” (стоит отметить, что “патери” — это, по всей вероятности, неточно переданное талмудическое поношение Христа, чьим отцом якобы был Пандира-Пантера: Христа, как известно, именovali Сын Девы, а “дева” по-гречески — “парфенос-партенос”, из чего возник этот самый талмудический “сын Пантеры”. — В. К.).

Таковы были основы духа юного Моисея, и вполне закономерно, что он с восторгом встретил Октябрь”.

Прочитаешь такое — и поневоле душа исказится судорогой от мстительно-го чувства. А тут ещё с облегчением вспомнишь, что вера православная учит не соблазняться возмездием, особенно если речь идёт о личных врагах твоих, но разрешается воевать с врагами Божьими. Так что вроде бы можно дать волю ответным и справедливым чувствам! А всё же, всё же не торопись... Два тысячелетия назад иудейская чернь, возглавляемая первосвященником и жрецами-левитами, с ветхозаветной яростью потребовала от смущённого Понтия Пилата: “Распни Его!” А тут у нас что? Всего лишь навсего местечковое брюзжание, всего лишь плохо скрываемое глумление, всего лишь слабый отблеск того чёрного пламени, которое сопровождало путь Христа на Голгофу.

Бог с ними. Пусть пребывают в своей талмудической косности, пусть морщатся при Его Имени. “Вера у них такая”, — как говорил Достоевский...

* * *

Если кому-то покажется, что я пишу о делах “давно минувших дней”, о “преданьях старины глубокой”, что в наше время всё изменилось — и отношение жрецов Холокоста к России, и к православию, и к своим протестантам, то предлагаю таким оптимистам познакомиться с письмом, пришедшим совсем недавно на моё имя в редакцию журнала “Наш современник”.

“Уважаемый Станислав Юрьевич! Прочёл Вашу книгу “Возвращенцы” на одном дыхании. Она подтвердила многие из моих догадок и ощущений. Я помню начало 90-х, мне было 17 лет (отец мой еврей и отец моей матери тоже). Мой бедный отец, кандидат технических наук, спал два года с топором под кроватью, боясь “ужасной” “Памяти”. Тогда я был ещё идейно и духовно слепым человеком, и либерально-демократическая пропаганда довлела в моём сознании. Я стал православным человеком, стал изучать историю России (и “проклятый вопрос” тоже). Прозрение и обретение веры и идеи — подчас мучительные и многолетние процессы. Слава Богу, когда началась первая чеченская война, для меня всё стало очевидным: и предатели, и враги. И национальное происхождение врагов было тоже очевидным — почти сплошь евреи все эти познеры, дейчи, радзинские и иже с ними. У меня социологическое образование, эти знания позволили мне понимать происходящее в стране. Катастрофа состоялась. Богатства и недра поделены, мозги населения запудрены. Я сделал выбор, я со страждущим русским народом и Россией, со Святой Православной Церковью. Когда я пытался говорить с евреями об истории и политике, на меня сразу навесили ярлык черносотенца и антисемита. Будь ты хоть трижды еврей, но если говоришь не то, значит, фашист и маргинал, и нет тебе прощения. Иудеям нужен маргинальный патриотизм, скинхеды и т. д., потому что здоровый, вдумчивый строительный патриотизм для них смертельно опасен. Они делают всё для маргинализации патриотизма в России.

У меня трое сыновей. Я назвал их Христофор, Феофан, Ермоген, Вы не представляете себе, сколько грязи и упреков пало на меня за это. Ну ладно “эти”, с ними всё понятно, но русские люди? Жалко, что русский народ ра-

зобщён, не хочет знать свою историю, сейчас нельзя быть обывателем, “овощем”, решается наша судьба, судьба страны. Вы знаете, враги Православия и России вызывают у меня ярость и желание бороться до конца (хотя некоторые говорят, что ярость – это скорее еврейская реакция). Спасибо Вам, Станислав Юрьевич, за книгу, она поможет правильно сориентироваться многим людям. Долгих Вам лет жизни и творческих успехов!

С уважением Ф. Г.”

Вот истинный ответ на лукавую попытку заменить самопожертвование Христа безблагодатным жертвоприношением “стада баранов”, как пишет Норман Финкельштейн.

Жив образ Спасителя и в еврейских душах, несмотря на все усилия жрецов Холокоста вытравить его из памяти, из истории, из нашей жизни.

Автор этого письма – ну разве он не брат Борису Бернштейну? Конечно же, брат. Брат во Христе.

Р. С. И ещё несколько свидетельств о роковом непонимании христианства жрецами Холокоста и овцами стада Израилева:

Из размышлений о. Михаила Чайковского, “Новая Польша”, № 4, 2003 г.

“Сегодня в поезде, идущем в Краков, я читал воспоминания одной еврейки, ставшей христианкой. Когда она была ребёнком, кто-то подарил ей Новый завет. Это увидела её мать. Она рвала страницы Евангелия в большом озлоблении. Страницу за страницей. Она сожгла их в печке, а потом сказала: “Человек, о котором тут идёт речь, преследовал нас веками, это из-за Него были созданы концлагеря”.

Из книги С. Медведко и Л. Медведко “Восток – дело близкое... Иерусалим – святое”:

“В самом Израиле не все русские евреи чувствуют себя столь же комфортно, особенно если они отказываются менять прежнюю веру на иудаизм. Газета “Наше время” в статье под заголовком “Израиль уничтожает христиан” рассказала историю семьи приехавших в Израиль иммигрантов Виктора и Оксаны. “Ненавистью к русским людям христианской веры и к нашим детям здесь, кажется, отравлен весь воздух, – жалуются они. – В Израиле существуют расистские законы, и надо иметь мужество признать это. Для детей неевреев, воспитанных на христианских ценностях, израильская демократия – это лишь слова”, – так заканчивается это письмо”.

Р. Р. С. “Когда папа Бенедикт XVI был в мае 2009 года в Иерусалиме, он решил помолиться у Стены плача. Но, как свидетельствует “Еврейская газета”, издающаяся в Берлине (№ 81), “в дело неожиданно вмешался Шмуэль Робиневич, занимающий должность раввина Стены плача. В телефонном интервью газете “Jerusalem Post” он заявил, что во время подобной молитвы папе желательно снять... золотой наперсный крест. Как объяснил Робиневич, к Стене плача не следует приближаться с “чужими религиозными символами”, и тем более с крестом, который, по словам раввина, “оскорбляет еврейские чувства” <...> Не секрет, что многие евреи, особенно религиозные, действительно испытывают неприязнь к христианским символам, порой доходящую до анекдота (например, “многие пишут знак “плюс” без верхней палочки”, чтобы не дай бог не изобразить на бумаге крест)”.

(Л. Закс. “Понтифик на Святой земле”)

Ну что сказать? Все люди, как люди, но это – “избранный народ”... А к нашим святым мощам, в наши церкви, к нашим иконам подходит кто угодно. Для нашего Бога “несть ни Эллина, ни иудея”...

(Продолжение следует)